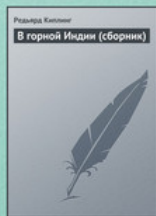

Редьярд Киплинг

История Мухаммад-Дина

*Часть сборника
В горной Индии (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг История Мухаммад-Дина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648348

Аннотация

«Мяч для игры в поло был истёртый, исцарапанный, облупленный. Он лежал на полочке у камина, среди чубуков, которые чистил Имам-Дин, кхитмагар.

– Нужен этот мяч рождённому небом? – почтительно спросил Имам-Дин...»

Редьярд Киплинг

История Мухаммад-Дина

* * *

Мяч для игры в поло был истёртый, исцарапанный, облупленный. Он лежал на полочке у камина, среди чубуков, которые чистил Имам-Дин, кхитмагар.

– Нужен этот мяч рождённому небом? – почтительно спросил Имам-Дин.

«Рождённый небом» не придавал мячу особенного значения, но на что кхитмагару мяч для игры в поло?

– С позволения вашей милости, у меня есть сынок. Он видел этот мяч, и ему хотелось бы поиграть с ним. Я прошу не для себя.

Никому и в голову не пришло бы заподозрить Имам-Дина в желании поиграть мячом. Он вынес истрёпанную игрушку на веранду, и затем послышался радостный визг, топанье маленьких ножек и подпрыгивание мяча на дорожке. Очевидно, «сынок» ждал за дверью, чтобы поскорее заполучить сокровище. Но каким образом он мог увидеть этот мяч?

На следующий день, вернувшись из конторы на полчаса раньше, я увидел в столовой маленькую фигурку – худенькую неуклюжую, в смешной рубашонке, доходившей до по-

ловины раздутого живота. Фигурка двигалась по комнате, засунув большой палец в рот и мурлыча что-то, рассматривая картины. Без сомнения, это был «сынок».

Конечно, ему нечего было делать у меня в комнате, но он так погрузился в созерцание своих открытий, что даже не заметил, как я вошёл. Когда я подошёл к нему, с ним чуть не сделался обморок от испуга. Вскрикнув, он присел на пол. Глаза раскрылись и рот последовал их примеру. Я знал, что будет дальше, и обратился в бегство, преследуемый протяжным воем без слез, долетевшим до помещения прислуги гораздо быстрее, чем когда-нибудь доходило какое-нибудь из моих приказаний.

Через десять секунд Имам-Дин был уже в столовой. П слышались отчаянные рыдания, и, когда я вернулся, Имам-Дин увещевал маленького грешника, употреблявшего рубашонку вместо носового платка.

– Мальчишка – будмаш, большой будмаш, – бранил Имам-Дин, – уж наверное попадёт в джаил-кхани за своё поведение.

Новый взрыв отчаянных криков со стороны грешника и вычурное извинение по моему адресу от Имам-Дина.

– Скажи мальчику, что сахиб не сердится, и уведи его.

Имам-Дин передал моё прощение преступнику, собравшему уже всю рубашонку вокруг ворота в один жгут и уже не кричавшему, но рыдавшему. Оба направились к двери.

– Зовут его Мухаммад-Дин, – пояснил Имам-Дин, будто

имя имело какое-нибудь отношение к преступлению, – и он будмаш.

Видя, что непосредственная опасность миновала, Мухаммад-Дин повернулся на руках отца и сказал серьёзно:

– Верно, тахиб, меня зовут Мухаммад-Дин, только я не будмаш. Я мужчина.

С этого дня началось моё знакомство с Мухаммад-Дином. Он уже никогда не заходил в мою столовую, но на нейтральной территории сада мы здоровались очень церемонно, хотя весь наш разговор ограничивался приветствиями: «Талаам, тахиб» с его стороны и «Салаам, Мухаммад-Дин» – с моей.

Каждый раз, когда я возвращался со службы домой, белая рубашка и кругленькое тельце показывались из-за вьющихся растений, затенявших веранду, и ежедневно я на этом месте задерживал лошадь, чтобы моё приветствие как-нибудь не оборвалось и не вышло бесцеремонным.

У Мухаммад-Дина не было товарищей. Он бегал по всему парку, то скрываясь за кустами клещевины, то появляясь из-за них, занятый какими-то одному ему известными делами. Однажды я споткнулся о какое-то его сооружение в глубине сада. Он зарыл до половины мяч от поло в песок и воткнул вокруг него шесть завядших ноготков. Этот круг был обнесён второй оградой, сложенной из кусочков красного кирпича и черепков фарфора и обведённой маленькими валиками из пыли. Поливальщик, ходивший за кишкой, замолвил словечко за маленького архитектора, говоря, что эта детская за-

бава не очень безобразит мой сад.

Господу известно, что я не намеревался трогать работу ре-бёнка ни в эту минуту, ни потом, но, бродя вечером по саду, я, не заметив сооружения, споткнулся о него, так что совершенно нечаянно наступил на цветы, валик и привёл в такой беспорядок черепки от мельницы, что не было никакой надежды восстановить постройку. На следующее утро я застал Мухаммад-Дина тихо плачущим над развалинами его трудов. Какой-то жестокий человек сообщил ему, будто сахиб рассердился на него за то, что он портит дорожки, и будто разбросал, бранясь, его черепки.

Мухаммад-Дин проработал целый час, стараясь уничтожить все следы валика и черепков, и смотрел на меня, явно прося извинения своими полными слез глазами, произносил своё обычное «Талаам, тахиб», когда встретил меня при моем возвращении домой со службы. Я поспешил узнать, в чем дело, и в результате Имам-Дин сообщил Мухаммад-Дину, что по особой милости ему дозволяется располагаться где угодно. После этого мальчик стал смелее и начал строить здание, которое должно было затмить сооружение с мячом и ноготками.

В течение нескольких месяцев маленький зодчий осуществлял свои фантазии на небольшом пространстве между кустами клещевины и дорожкой, постоянно сооружая великолепные дворцы из выброшенных цветов, отполированных водой камешков, осколков стекла и перьев, вероятно, от на-

шей домашней птицы. И всегда он был один и вечно мурлыкал себе под нос.

Как-то я положил пёструю морскую раковину возле последней из маленьких построек Мухаммад-Дина. Я ожидал, что он выстроит с её помощью что-нибудь необычайно великолепное. И я не разочаровался. Он размышлял больше часа, и мурлыканье перешло в торжествующую песню. Затем он начал чертить на песке. Вероятно, на этот раз возник бы чудный дворец, потому что план имел два ярда в длину и ярд в ширину. Но дворцу не суждено было быть воздвигнутым.

На следующий день Мухаммад-Дин не встретил меня у ворот, и я не услышал обычного «Талаам, тахиб». Я так привык к приветствию, что отсутствие его огорчило меня. Имам-Дин сказал мне, что у мальчика лёгкая лихорадка, и ему надо дать хины. Доктор-англичанин снабдил его лекарством.

– Нет в мальчугане жизненной силы, – сказал доктор, уходя от Имам-Дина.

Через неделю – много бы я дал, чтобы избежать этого – по дороге к магометанскому кладбищу я встретил Имам-Дина с одним его товарищем; они несли завёрнутым в белое полотно все, что осталось от маленького Мухаммад-Дина.